

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

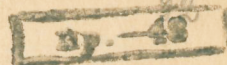
1102 ЯНВ 4 1

2829 — 10 000 000, Сул. тит. № 3

ПРОВЕРЕНА

ш-93

С. ШТРАЙХ

РУССКАЯ НИГИЛИСТКА В ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

Журнально-газетное объединени
Москва—1935

Другие материалы об А.В.Корвин-Круковской (Жаклар):

Беркова К.Н. Парижская коммуна и русские революционеры

Книжник-Ветров И.С. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны.

Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева

Книжник-Ветров И.С. А.В.Корвин-Круковская (Жаклар) - друг Ф.М.Достоевского

<http://istmat.info/node/28030>

Отв. редактор Еф. ЗОЗУЛЯ	Выпускающий А. Гүревич
Издатель Журнально-газетное объединение	Изд. № 337
Упдномочен. Главлит Б—11814	Зак. тип. № 605 Тираж 50 000
Литформ А ₈ —10 ² ×148 мм 1/2 печ. л.	Число зн. в 1 печ. л. 41800
Вязка сдана в наб. 1/IX—35 г.	Подп. к печ. 10 X—35 г.
Типогр. и цинкогр. Жургазобъединения, Москва, 1-й Самотеч. пер., 17	

Среди многочисленных русских, принимавших участие в строительстве и защите Парижской коммуны 1871 года, видное место принадлежит Анне Васильевне Корвин-Круковской, сестре знаменитой женщины-математика Софьи Ковалевской. Дочь генерал-лейтенанта царской армии Василия Васильевича Корвин Круковского, она провела детство в обстановке, обычной для детей русского крупнопоместного дворянства феодальной эпохи. Отец и мать занимались детьми очень мало. В Москве и Калуге, куда перевели незадолго до выхода в отставку Василия Васильевича, он был занят днем на службе, а вечера проводил в клубе. Жена его Елизавета Федоровна, дочь ученого генерала-математика Ф. Ф. Шуберга и внучка известного астронома академика Ф. И. Шуберга, совсем не была подготовлена к роли матери-воспитательницы; любила выезды и приемы гостей и была большая охотница потанцевать. По воспитанию, по мягкому, безвольному характеру, потому что была двадцатью годами моложе мужа, который сразу после брака поставил ее в подчиненное положение, она не сумела приобрести влияние на своих детей; часто получала в их присутствии отеческие, резкие выговоры от мужа, и вся дворня

смотрела на нее скорее, как на старшую сестру маленьких Корвин-Круковских, чем на их руководительницу.

Из сохранившегося в семейном архиве дневника Елизаветы Федоровны за первые годы замужества видно, что Василий Васильевич Корвин-Круковский был типичный представитель крупноместного дворянства: вне службы он проводил все время за карточным столом или в кутежах, с цыганскими песнями и плясками, а до женитьбы, как полагается благородному дворянину, имел на содержании какую-то немку Амелию и считал нужным после свадьбы рассказать молодой жене об этой связи. С грубостью николаевского солдафона он часто сравнивал жену со своей бывшей подругой, говорил Елизавете Федоровне, что не верит ее чистоте и целомудрию до свадьбы, так как и Амелия была развращена до знакомства с ним.

За целый ряд лет имеются в дневнике Елизаветы Федоровны записи о том, как муж оставляет ее дома одну, а сам проводит вечера в клубе за картами и с цыганами. Весь дневник ее выпукло и ярко показывает рабскую зависимость женщины феодально-крепостнической эпохи при браке, освященном церковью, выявляет лицемерие буржуазной законности и семейной морали. Поступая так с женой, генерал Корвин-Круковский считал себя вправе самовластно и бесконтрольно распоряжаться не только общим семейным имуществом, но и частным достоянием Елизаветы Федоровны. Так например, накануне рождения второй дочери ге-

нерал сильно проигрался в клубе, и больной жене пришлось думать, о том, как выручить Василия Васильевича. Для избавления его от крупной неприятности Елизавета Федоровна отдала все свои бриллианты: карточный долг дворянина неизмеримо выше его обязанностей по отношению к семье, тем более что проигрыш можно было наверстать увеличением поборов с крепостных.

При всем этом В. В. Корвин-Круковский считался и действительно был далеко не худшим представителем своего класса. Артиллерист по специальности, он был хорошо образован, знал и любил математику, вел знакомство с людьми науки и литературы. В доме Корвин-Круковских можно было встретить профессора математики в артиллерийской академии П. Л. Лаврова, генерального хирурга Н. И. Пирогова, художника Ф. А. Моллера, профессора арабской словесности и журналиста О. И. Сенковского; впрочем они принадлежали к знакомым Елизаветы Федоровны через семью ее отца, Ф. Ф. Шуберта.

По отношению к своим рабам Василий Васильевич также вел себя культурнее многих дворян, получивших за преданность монархическому строю право распоряжаться жизнью и достоянием крестьян, их женой, дочерей и грудных младенцев. В своих чрезвычайно правдивых «Воспоминаниях детства» Софья Ковалевская много рассказывает о мерзкой стороне быта и нравов помещичьей жизни, говорит о суровости ее отца по

отношению к крестьянам, об его глубоком убеждении в правильности и законности крепостного строя, но не приводит сцен истязания и порки взрослых крестьян, описываемых всеми мемуаристами ее среды. Возможно, что это объясняется отдаленностью крестьянских жилищ от господской усадьбы в имении Корвин-Круковских и совершенным усугублением помещичьих детей от наблюдений над деревенской повседневной жизнью. Но из рассказа Ковалевской об одном деревенском происшествии видно, что ученый генерал и помещик считал своих крепостных и слуг существами низшего разряда.

Старшая дочь Корвин-Круковских Анята родилась в 1843 году. Воспитанная под наблюдением невежественной крепостной няни, избалованная почти с самого рождения, она привыкла чуть ли не с семилетнего возраста быть царицей на детских балах, куда ее часто возили. Была самовольная, не признавала никакой дисциплины. К приезду в деревню Корвин-Круковских опытной и строгой воспитательницы англичанки мисс Смит Анята выравнилась в стройную высокую милую девушку, постоянно мечтала о роли блестящей светской барышни и страдала от условий деревенской жизни, которая не прельщала ее даже своими поэтическими сторонами. С гувернанткой она сразу повела открытую борьбу, не желая подчиняться ее системе перевоспитания, и вышла победительницей. После этого Анна Васильевна стала читать без вся-

кого разбора и увлекалась поочередно всеми модными вопросами эпохи.

Это была эпоха так называемой крестьянской реформы, когда помещики освободили своих крепостных от земли, закабалив их себе как съемщиков и арендаторов. Анне Васильевне было тогда 18 лет. Молодежь ее возраста и круга потянулась к знанию, к изучению естественных наук. В частности, девушки из дворянских семей стремились освободиться от чрезмерной родительской опеки, носившей характер полнейшего закрепощения.

Анна Васильевна тоже мечтала о свободе, но точной программы, определенного мировоззрения выработать не могла. Подготовки не было, и окружение было несоответствующее. То она пыталась подражать средневековым монахам в самобичевании и отречении от благ земных, то хотела сделаться актрисой, вдруг стала изучать философию. Семья Корвин-Круковских была в отчаянии, которое отражено в письме одной из сестер Елизаветы Федоровны, гостившей в Палибине в июне 1862 года: «Анята показывается только к столу. Остальное время она проводит в своей комнате, где изучает Аристотеля и Лейбница и заполняет целые листы выписками и рассуждениями. Никогда она ни к кому не подсказывается со своим рукоделием, никогда не принимает участия в прогулках. И только вечером, когда остальные сидят за карточным столом, она, погруженная в свои философские размышления, иног-

да большими, поспешными шагами проходит через зал. На мой взгляд непростительно, что Лиза допустила свою дочь избрать такой ложный и опасный путь; непростительно, что она и сейчас не принимает мер к тому, чтобы направить ее на другой путь».

Дальше пошло хуже. Анна Васильевна свела знакомство с приезжим из Питера семинаристом, сыном местного священника. Парень пошел по очень опасному, с точки зрения людей, дорожащих церковно-монархическими устоями, пути: отказался от священнической должности, поступил в университет, стал изучать естественные науки, проповедывал безбожие и подрывал веру в божественное происхождение права помещиков на землю и на труд крестьян.

Анюта робко, в чрезвычайно умеренных выражениях, высказывала такие мысли дома и позволяла себе иногда упрекать, отца, что он держит ее в деревне. Василий Васильевич сначала только отшучивался, но, видя настойчивость дочери, снизошел до объяснения с нею и доказывал, что «в теперешнее трудное время обязанности каждого помещика — жить в своем поместье; бросить теперь имение — значило бы разорить всю семью». О том, чтобы отпустить дочь в столицу к родным, без отца и матери, Корсин-Круковский и думать не хотел.

Помечтала Анна Васильевна над романами, помечтала о театральной деятельности, про которую отцу, конечно, нельзя было и заикнуться, поддалась моде

на сеченовских лягушек и на неслыханную до того науку — электрофизиологию. Решила поступить в медико-хирургическую академию. Однажды пришла к отцу и высказала вдруг совершенно неожиданное требование: чтобы он отпустил ее в Петербург учиться.

Василий Васильевич сначала хотел обратить просьбу дочери в шутку, как сделал при объявлении Анюты, что она не может жить в деревне. Но дочь на этот раз не унималась. Ни шутки, ни остроты отцу на нее не действовали. Она горячо доказывала, что из того, что отцу ее надо жить в имении, не следует еще, чтобы и ей надо было запереться в деревне, где у нее нет ни дела, ни веселья.

Отец, наконец, рассердился и, как передает С. В. Ковалевская, прикрикнул на старшую дочь, как на маленькую: «Если ты сама не понимаешь, что долг всякой порядочной девушки жизнь со своими родителями, пока она не выйдет замуж, то спорить с глупой девицей я не стану!» В семье произошел разлад.

Молодые годы Анны Васильевны проходили, настроение ее ухудшалось, но твердого решения она принять не могла. Только и было просвету, что два-три зимних месяца, когда Василий Васильевич разрешал жене погостить с дочерьми в Петербурге у родных Елизаветы Федоровны.

После крайнего увлечения Анны Васильевны писательством и напечатания двух ее слабых в художественном отношении повестей в журнале Ф. М. До-

твоевского, который в свою очередь увлекся молодой авторшей, старшая дочь генерала Корвин-Круковского пыталась освободиться от тяжкой родительской опеки путем фиктивного брака. Но и этот, весьма распространенный в конце шестидесятых годов XIX столетия среди русской дворянской молодежи прием не удался Анне Васильевне. Выручила младшая сестра, Софья Васильевна, которой воспитание мисс Смит помогло выработать характер насгойчивый и целеустремленный

Весною 1868 года, будучи с матерью и сестрой в Питере, Анна Васильевна попросила в кружке столичной радикальной молодежи, которую правительство и его либерально-реакционные прислужники огульно называли нигилистами, то-есть отрицателями, найти ей фиктивного жениха. Дело обычно сводилось к тому, что молодой человек венчался с девицей, желавшей уйти из родительского дома для учения в высшей школе, и тотчас после брака осуществлял единственное из весьма многочисленных тогда прав мужа над личностью жены — давал ей паспорт и разрешение поступить в университет. Часто эти браки устраивались вопреки родительской воле, но в большинстве случаев даже самые отчаянные самодуры-помещики примирлялись с совершившимся: не подрывать же им церковный брак — один из главных устоев феодально-монархического строя, этой основы священного права частной собственности вообще и права дворян на землю в особенности.

Нашелся фиктивный жених и для Корвин-Круковской — сын мелкопоместного дворянина из обрусевших поляков, правовед Владимир Онуфриевич Ковалевский. Это был типичный русский радикал-шестидесятник, самоотверженный, лично для себя довольствовавшийся весьма немногим. Он побывал за границей, участвовал в революционно освободительном походе итальянского национального героя Гарибальди, одно время был очень близок к знаменитому русскому эмигранту Герцену, имел много знакомств в русской революционной среде, сменял одно увлечение другим. Во второй половине шестидесятых годов он усиленно занимался издательской деятельностью, выпускал хорошие книжки по естествознанию, главным образом по дарвинизму, выполнял программу радикальных кружков — распространял в русском обществе материалистические идеи

Издательская деятельность Ковалевского была обширна, но сам он денежной выгоды от этого не имел и не гнался за нею. Жених был во всех отношениях неподходящий для дочери богатого помещика и генерала. Одним только дворянским званием Василия Васильевича не прельстишь. Следовательно фиктивный брак Анны Васильевны должен был совершиться тайно, то-есть сопровождаться разрывом с родителями. Анна Васильевна не могла решиться на это по своему характеру. Встретилось препятствие и со стороны Ковалевского.

Познакомившись с младшей Корвин-Круковской и

узнав про ее страстное желание изучать естественные науки вообще и высшую математику в частности, Владимир Онуфриевич заявил, что готов жениться фиктивным браком на Софье Васильевне, которой тогда едва исполнилось 18 лет. Если надо во имя радикальных принципов лишать себя возможности устроить когда-нибудь свою личную семейную жизнь, то лучше пожертвовать собственной свободой ради юной энтузиастки точных наук, которые влекут к себе и Ковалевского, чем ради двадцатипятилетней барышни, желающей вырваться на волю без ясно выраженной цели.

Заявление Ковалевского огорчило Анну Васильевну не столько предпочтением, оказанным младшей сестре, сколько срывом ее плана. Но восемнадцатилетняя Софья Васильевна вполне созрела для самостоятельных решений и взялась устраивать судьбу старшей сестры и свою собственную.

Когда Василий Васильевич, кроме других мотивов, заявил, что не может выдать младшую дочь замуж раньше старшей. Софья Васильевна сумела заставить отца согласиться на ее брак с Ковалевским. Она предала огласке своим свидания с женихом вне родительского дома, настойчивостью и решимостью ускорила ход событий. 15 сентября 1868 года состоялась в Палибине свадьба Софьи с двадцатипятилетним отставным сенатским секретарем, неслужащим дворянином Владимиром Онуфриевичем Ковалевским. В тот же день молодые выехали в Петербург, где Софья

Васильевна стала посещать лекции и лаборатории профессоров университета и мед.-хирургич. академии.

Через год Ковалевские выехали в Германию — учиться в тамошних университетах: Софья Васильевна математике. Владимир Онуфриевич — естественным наукам. В одной из этих наук, в палеонтологии, Ковалевский через несколько лет прославился гениальными исследованиями, которые Дарвин ценил чрезвычайно высоко и которые представляли собою наиболее важное подкрепление теории происхождения позвоночных. Брак С. В. и В. О. Ковалевских долгое время оставался фиктивным; впоследствии он превратился в действительный, но сами Ковалевские претерпели много страданий об этом ленивых буржуазно-собственническим строем и завершившихся для Владимира Онуфриевича печальной катастрофой: он считал себя вынужденным в 1883 году покончить самоубийством в связи со своей службой в коммерческом предприятии крупных промышленных спекулянтов.

Для Анны Васильевны фиктивный брак младшей сестры имел то положительное значение, что родители разрешили ей поехать с Ковалевскими за границу. Предлогом поездки было выраженное Алютой желание учиться. В действительности же она искала путей к осуществлению своей давнишней мечты послужить человечеству. Мечта была совершенно туманная. Как и чем наполнить эту неопределенную форму, Анна Васильевна не знала.

Подруга ее А. М. Евреинова, дочь придворного генерала, вскоре после того бежавшая в Германию от сластолюбивых поползновений царского брата, великого князя Николая Николаевича, писала незадолго до отъезда старшей Корвин-Круковской из России: «Анюта поедет во Францию познакомиться и исследовать социальное движение, где в настоящее время появилось много хороших личностей, и движение там всего сильнее, так что поездка ее будет не бесполезна». «Анюта, начитавшись тайком революционных брошюр, намеревалась ни более, ни менее, как только ниспровергнуть старый буржуазный строй и перевернуть вверх ногами всю Европу», — писала впоследствии со слов Софьи Васильевны известная революционерка Мария Залеская-Мендельсон.

Другие современницы, на основании рассказов родных Анны Васильевны и ее подруг, сообщают, что Корвин-Круковская, которой «однообразие жизни в Гейдельберге быстро прискучило, отправилась в Париж, не спросив на это у родителей позволения и даже не уведомив их о своем переезде. Ей хотелось развить в себе талант писательницы, и потому она не находила никакого интереса, в том, чтобы жить взаперти вместе с Софьей в ее студенческой комнате. Ей хотелось изучать жизнь, посещать театры, жить в литературном центре: вырвавшись из-под родительской опеки, она стала смело пробивать себе дорогу. Так как невозможно было сообщить отцу о ее намерении съездить

одной в Париж, то она решилась обмануть его, увлекаемая страстным желанием устроить жизнь по-своему».

Генерал каким-то путем узнал, что Анюта ускользает из под присмотра замужней сестры, и перестал высылать деньги старшей дочери. Анна Васильевна не смутилась этим. Она сделалась в Париже типографской наборщицей. Сблизившись с парижскими революционными кружками, Анна Васильевна познакомилась в конце 1869 года со своим сверстником, медицинским студентом — французом Виктором Жакларом, который участвовал в революционном движении с 1865 года и вел агитационную работу среди рабочих. Жаклар был известен Карлу Марксу, который упоминает о нем и об Анне Васильевне в своей переписке с Энгельсом за это время. Знакомство Анны Васильевны с Жакларом вскоре превратилось в фактический брак, который тщательно скрывался от ее родителей.

Анна Васильевна собиралась в Париж на короткое время, надеясь, что отец не узнает об ее самовольном отъезде от замужней сестры, а если узнает, то она сумеет вымолить у него прощение. Анюта не знала, что в Париже воплотятся в жизнь мечты о служении трудовому народу, о слиянии с ним, о содействии социальному перевороту. Она не думала, что будет участвовать в попытке ниспровергнуть буржуазный строй и увидит перевернутой вверх ногами если не всю Европу, то по крайней мере значительную часть Франции.

Маркс в заключительных строках в «Военнадцатом брюмера Луи Бонапарта» еще в 1852 году писал что «гонимые прогнилоречивыми требованиями своего поколения» Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос, срывает священный ореол государственной машины, профинирует ее делами ее одновременно огорчительной и смешной. Но движение по пути смешного и острителю (но?) режима Наполеона III принято («известным хагг») оло в начале шестидесятих годов, когда передовые французские рабочие стали втягиваться в политическую борьбу. С образованием в середине этого десятилетия парижских секций Интернационала среди французских рабочих масс являлась деятельная социалистическая пропаганда и либеральные уступки правительства Второй империи перестали удовлетворять требованиям самых широких буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения. Радикальная студенческая молодежь сближалась с рабочими, знакомилась с историей революционного движения и усваивала в сношениях с ними пролетарское мировоззрение. Благодаря такому взаимодействию движение росло вширь и вглубь. К концу шестидесятих годов кризис газревает нужен только внешний повод для свержения монархии.

Смысл происходящего ясен даже для людей чуждых пролетариату Франции по своему воспитанию и классовому происхождению даже для дочери крупного русского помещика и генерал-лейтенанта царской ар-

мии Вечернее чтение Анной Васильевной в русских радикальных изданиях все слышанное в петербургских нигилистических кружках приобретает значение живого дела когда она занимает место в рядах членика протетариата, становится членом семьи типографских рабочих.

Для укрепления своего шатющегося трона Наполеон III прибегают к испытанному и несколько раз страдавшему себя средству. Он стал готовиться к внешней войне, небольшое кровопускание своим рабочим должно отвлечь их от мыслей об эксплуатации, которой они подвергаются со стороны хозяев фабрик и заводов. Готовясь к войне с Пруссией, французский император усилил также преследование революционеров.

Ему казалось что наступил момент для окончательной расправы с противниками империализма. Создавались специальные процессы против членов Интернационала. К одному из них приислужили Жакара, которого обвиняли в заговоре против Наполеона. Пришлось бежать с женой в Швейцарию.

После того как война с Пруссией была объявлена Анна Васильевна писала гонимым якобы из Гейдельберга о встрече с Жакаром и подготавливала их к возможности ее встречи с ним. В Царском Гене-рал Корвин Крюковичи ничего не ответил. Анна Васильевна болтовалась и писала сестре «как, непостижимо, что от родных все еще нет ни слова, ни

духу Я объясняю это очень худо, уж не узнали ли они что-нибудь про нашу жизнь в Париже и не озлились ли так, что и отвечать не хотят? Я думала, обождав еще с неделю, написать им второе письмо, в котором объявить им мой отъезд из Гейдельберга в Женеву, а еще лучше — прямо адресовать из Женевы, говоря, что, не получая от них ответа и не желая долее медлить, я решилась переехать к Жаклару, надеясь, что мой пачпорт достаточен для брака; но так как это последнее предположение оказалось неверным, то настоятельно прошу их выслать мне мои бумаги, чтобы прекратить мое неговкое положение

Едва ли они тогда будут упрямыться. Мне как догадно, что я не могу приняться за урки, а между тем мне их сулят всюду. С здешними русскими я держусь очень политично, они все очень обязательны и заискивающи, так что держаться в стороне почти невозможно.

В Женеве Анна Васильевна сблизилась с русской эмигрантской колонией, с некоторыми подружилась. Затем она вступила в русскую секцию Интернационала и перевела для ее издательства, как сообщала сестре, «кое-какие брошюры Маркса по Интернационалу, для приложений к номерам «Народного дела» — русского журнала, издававшегося в Женеве в 1868—1870 годах под редакцией М. А. Бакунина, А. А. Серно-Соловьевича, Н. И. Утина и других. В программе

«Народного дела» между прочим заявлялось: «Мы сторонники атеизма и материализма, мы хотим уравниения прав женщин, уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского; капиталы и все орудия производства должны принадлежать работникам, земля — тем, кто ее обрабатывает своими руками». Какие брошюры Маркса переехала тогда Анна Васильевна, — установить не удалось.

Софью Васильевну и Владимира Онуфриевича начато франко-прусской войны, объявленной 19 июля 1870 года, застало в Гейдельберге. Учиться стало там невозможно. Ковалевский давно собирался в Англию для уточнения и углубления своих знаний. Софья Васильевна тоже хотела поработать с английскими математиками. Супруги поехали в Лондон. Владимир Онуфриевич писал оттуда брату в августе, что они запоздали в Гейдельберге так, что все поезда прекратились, и если бы не голландские пароходы на Рейне, то не удалось бы выбраться. Однако с разными затруднениями добрались до Кельна и оттуда в Лондон, где поселились недалеко от Британского музея.

У обоих «твердое намерение сильно работать», но со дня объявления войны «ничего научного не лезет в голову, и эти подлые военные известия вытесняют из мозга и те соображения, которые там были».

Жаклар волновался известиями из Парижа. Министров и генералов Наполеона III хватили только на

провокацию войны; вести ее они не сумели и сразу вовлекли французов в серию поражений.

Револуционерное движение во Франции разрасталось. Сердца французских эмигрантов бились в контакте с сердцами их парижских друзей, и долг революционера призывал Жактара в Париж. Анна Васильевна переживала все события так же, как ее муж. В начале августа она писала в Гейдельберг сестре и Ефремовой:

«Дорогие мои Софа и Жанна. Решительно не могу понять, отчего от вас еще нет писем. Каждый день хожу на почту и каждый день возвращаюсь с пустыми руками. А между тем вы могли бы понять, как интересно мне знать, что у вас происходит, на что вы решились, что намерены делать. Ты, Софа, например, в большом недоумении касательно твоего путешествия в Париж. Все пути пресечены, все дороги заняты перемещением и перевозкой войск, а к тому же французская граница вся занята армией, и всякое сообщение прервано.

Мне пришло в голову сначала, что ты поедешь прямо в Лондон, но и бельгийская граница представляет те же затруднения. Скажи, пожалуйста, что ты намерена делать?

Ко мне приходила Ольга [Левашева] и поверяла мне горе; она собирается ехать в Россию и боится пуститься в путь, потому что ее уверяют, что сообщения прерваны для пассажиров. Она хочет ехать на

Мюнхен и просит меня написать туда, если у меня есть там знакомые; не можете ли вы справиться, насколько эти слухи основательны и есть ли опасность пускаться в путь с пятерью ребятами? Я очень жалею, что она уезжает, она мне очень симпатична. Утина теперь в Женеве и между нами прежние дружеские отношения. До какой степени, право, женщины выше мужчин!

Я на-днях имела известия об Малоне (тогда левый прудонист, близкий к идеям коммунизма). Он был выпущен на поруки и кто-то внес за него 500 фр. Вследствие этого обстоятельства он и не пользовался свободой, чтобы бежать от постигшего его осуждения на год тюремного заключения. Тогда здешняя русская партия в лице Ольги [О. С. Зиновьева-Левашова, одна из учредительниц русской секции Интернационала] написала ему, что они внесут эти деньги и чтобы он бежал; но он отказался, говоря, что Интернационал нуждается в жертвах и что в тюрьме он больше подвигает нравственно свое дело, нежели в изгнании. Но на-днях пришло другое письмо, где он пишет очень смутно и экзальтированно и говорит, что «что-то готовится и затевается в Париже».

Жаклар также ждет с нетерпением точных известий от своих друзей о настроении умов. Желательно было бы предпринять что-нибудь в случае поражения, — но ведь чем черт не шутит, может быть, они [империалисты] будут победителями, тогда прощай на

несколько лет революция, доверие восстановится, коммерсанты, буржуа и шовинисты все будут на стороне Бонапарта и придется, пожалуй, раскаяться, что упустили такой случай, когда Париж был свободен от войск. Все это очень сложно, и трудно решиться, как лучше поступить».

Супруги Ковалевские не могли в Лондоне укрыться от грохота войны. Война мешала Владимиру Онифриевичу заниматься своей палеонтологией. Антипатия радикала к империалистическому шовинизму Наполеона вытесняла мысли об ископаемых. Владимир Онуфриевич с радостным нетерпением наблюдал катастрофическое скатывание монархической Франции в бездну поражения.

Он надеялся даже на то, что в социальном водовороте погибнут все завоеватели. Из Лондона Ковалевский писал 13 августа брату: «Собственно, война все-таки мешает немного заниматься, отвлекает внимание, все ждешь газет и депеш. Я думаю, что к нашему приезду в Париж он уже успеет сделаться прусским городом, и это для французов будет здорово, собьет, может быть, с них желание быть военной нацией и главное — опрокинет навеки всех Бонапартов. Вообще время такое интересное, что страсть... Если французы сделают революцию и республику, не приедешь ли ты на зиму в Париж? Ведь все еще неверно, кончится ли война до осени; если не кончится, то ведь университеты не откроются».

События во Франции действительно разворачивались с головокружительной быстротой. Женевские эмигранты вели самую оживленную переписку с Парижем, знали о всех тамошних революционных проектах.

Жаклару не сиделось в Женеве, откуда Анна Васильевна писала 12 августа сестре, отговаривала от поездки в Париж — это дело не для людей науки.

В письме А. В. — любопытные высказывания представительницы мелкобуржуазного радикализма на социально-политические темы, вздохи ее по поводу неудачи в сформлении брака с Жакларом, восторги по поводу возможности встретиться с сестрой в социальной республике: «Дорогая моя Софа. Я все эти дни раздумывала, писать ли тебе или нет, так как живу среди такого хаоса, что не могу сказать ничего положительного про себя. Вот уже неделя, что известия поражения французов и беспокойство в Париже держат нас, что называется, настороже. Мы решились ехать туда, несмотря на опасности, окружающие Жаклара — опасности, еще увеличивающиеся вследствие военного положения и его осуждения к ссылке. Все это ты уже, вероятно, знаешь по газетам.

Но перед настоящими обстоятельствами нельзя оставаться в бездействии, и недостаток в людях с головою и решимостью слишком ощутителен, чтобы думать о спасении своей кожи. Нас удерживают покуда только хлопоты о пачпорте или виде на чужое имя, без которого невозможно въехать в Париж.

Все ли вы думаете и рассчитываете ехать в Париж? Для людей «науки» Париж не представляет теперь больших удобств и безопасности; если вы не раздумали, то мы, может быть, увидимся вскоре,— только бог весть, при каких условиях. Я вовсе не делаю себе иллюзий относительно всех трудностей. Условия для хорошего и прочного водворения республики очень плохи.

Безденежье, поражение и неприятель на границе, а может быть и под самым Парижем— все это не очень благоприятствует «социальному» движению, без которого республика — та же тирания. Кроме того все шансы на стороне орлеанистов, и междоусобицы распри неизбежны.

Но тем необходимее для республиканцев не быть в разброде и в одиночку, и каждый порядочный человек может быть теперь полезен. Масса — это такое бестолковое стадо баранов; настоящие события в Париже это доказывают, если эта истина требует еще подтверждения Палата ничего толкового не сделает, да от нее кроме движения в пользу Орлеанов и ожидать нечего; народ же только бунтуется без пути...

Наш проект замужества так и не состоялся, — видно, уж фатум такой; видно, мне на веку написано остаться старой девой. Это ужасно обидно. Но в Париже венчаться уже невозможно.

Кстати, ты ничего не пишешь, какие предосторожности ты предприняла относительно писем родителей и

высылки моих бумаг. Если они придут, то самое лучшее оставить их до моего следующего письма при тебе, а ежели же я останусь непредвиденно в Женеве, то приписать мне их.

Я воображаю в каком они беспокойстве теперь. Удивляюсь, право, и не могу себе объяснить их молчание. Писала ли ты им и в этом случае, что сказала обо мне, где предполагается, что я нахожусь? Если бы я оставалась в Женеве, то непременно написала бы им отсюда, известив, что, напрасно прождав мои бумаги, решила переехать к Жаклару, надеясь повенчаться с моим напортом, и что опять настоятельно прошу их поторопиться с высылкой моих бумаг. Теперь же это бесполезно.

Пиши мне, пожалуйста, дорогая Софа; правда, что в настоящую минуту трудно дать тебе адрес. Но так как я через несколько дней извещу тебя, где я нахожусь, то ты уж не поленись подробно написать мне о своих планах. Вдруг придется нам встретиться в республике. Вот было бы хорошо!»

Ковалевский тоже радовался перспективе падения императорского Парижа. Брата он просил: «Пожалуйста, пиши, я радуюсь, что пруссаки возьмут Париж, верно почта пойдет тогда исправнее». Но скоро успокоился: получил от Александра Онуфриевича письмо. В конце августа сообщал ему научные новости, о занятиях своих и Софьи Васильевны, об их быте, интересовался политическими новостями вообще. «Дар-

вина не видел, поеду к нему 1 сентября, если не поколею с голоду до тех пор... Где мы будем зимою, — аллах ведает; ведь еще неизвестно, будут ли семестры. Пожалуй, война затянется, потому что французы едва ли уступят Альзас, чего требуюг подлещи пруссаки. Я молюсь за одно: чтоб пруссаки побили французов так, чтобы те прогнали Наполеона, а затем республиканские войска уничтожили бы пруссаков».

Анна Васильевна жила теперь исключительно революционными событиями. Подтянулась и подобралась В письмах ее — бодрость бойца перед решительным сражением.

В конце августа она сообщала сестре революционные новости. Душевный подъем придал ей решимости написать отцу всю правду о своих отношениях с Жакларом, даже рассказать ему о политическом положении мужа, который, во всяком случае, сумеет обеспечить ее в материальном отношении.

«Дорогая Софа. Извини, что не сейчас же ответила на твое письмо. Но я не думаю, чтобы ты теперь имела повод беспокоиться обо мне. Я полагаю, что ваши планы касательно поездки в Париж отложены совершенно; не говоря уже о том, что безрассудно, да и бесполезно ехать в город, которому предстоит через несколько дней выдержать осаду, но я полагаю, что и самый въезд туда невозможен. Едва ли впустят туда иностранцев; теперь только о том и заботятся, как бы избавиться от лишних и бесполез-

ных жителей. Лучшее для вас — это оставаться до поры до времени в Лондоне.

Меня сильно встревожило то, что ты пишешь про ваше безденежье. Ведь это очень плохое обстоятельство.

Быть может, случится, что по случаю войны сообщения между Россиею и Англиею производятся медленнее и что высылка денег не поспеет в срок. Ради бога, напиши об этом поскорее. Ведь в случае надобности Жаклар легко может выслать вам сто фр. Ответь немедленно на этот пункт.

Что касается записки Владимира Онуфриевича об закладных билетах, то они в сохранности у меня; но я полагаю, что теперь бесполезно пересылать их вам; это будет напрасная трата денег. Часы же наши не пропадут; теперь назначен кажется срок для платежей по закладным, и нужную сумму можно будет внести позднее. Вообще блестящие надежды Владимира Онуфриевича о выкупе их вовсе не согласуются с содержанием твоего письма и плачевным описанием вашего безденежного положения. Вообще эта записка немного успокоила меня и удержала нас переслать деньги тотчас же с этим письмом. Я рассчитала, что, может быть, письмо твое было написано раньше и что ожидаемые деньги пришли уже после того и вернули доброе расположение духа у вас обоих. Во всяком случае, напиши поскорее.

Про нас не могу сказать ничего нового; как видно

по всему, наша поездка в Париж отложена в долгий ящик; нам пришлось увидагся здесь с разными парижанами, только-что приехавшими огтуда, и все в один голос утверждают, что кроме апаии или безалаберного, искусственно поддерживаемого энтузизма к Трошю (генерал, диктатор Парижа, по изложении Наполеона — глава временного, буржуазного, правительства), Париж не представляет ничего, могущего дать пищу деятельности революционной партии. Газеты также достаточно подтверждают эту горькую истину; все, что остается теперь делать, — это терпеливо ожидать исхода этого сумбура.

По-моему, водворение Орлеанов кажется неизбежным; да я этому и не сильно сторчаюсь; при настоящих условиях, какой же шанс потом остаться настоящей социальной республике? Занятая отражением неприятеля, раздираемая внутренними орлеанскими и бонапартийскими партиями, униженная, разоренная, она принуждена была бы заниматься одною внешнею политикою, преобразоваться в воинское диктаторство и могла бы только еще раз на практике скомпрометировать свое социальное значение. Пускай лучше предоставляют Орлеанам расхлебывать эту кашу, заключать постыдный мир, который впоследствии им же взвалят на плечи и обратят в могучее орудие революционной пропаганды против них.

Не могу тебе сказать, до какой степени мне ощутительна невысылка моих бумаг. На-днях я написа-

ла письмо матери, а Жаклар написал отцу. Неужели и это не подействует? Как-го подействует это письмо на отца, интересно знать. Он пишет очень просто и откровенно, не скрывая ни своих убеждений, ни своего положения, говорит, что сожалеет быть причиною разлада между мною и моим семейством, и, предвидя ответ отца, берет его судьбою — может ли он в человеческих ли это силах покоряться таким решениям, когда с моей стороны видит к себе полную привязанность.

Он излагает ему также свое матерьяльное положение и говорит, что всегда надеется быть в силах предложить мне, если не богатую, то обеспеченную жизнь от всяких лишений.

Мы живем все по-старому, Жаклар весь день дает уроки, после обеда, в свою очередь, он берет у меня уроки английского языка. Не припомню, говорила ли я вам об этом. Не смейтесь над этим,—он взялся за это очень серьезно и усердно, и наш урок продолжается не менее 2½ часов. Хотя он учится не более шести недель, но уже переводит немного, пишет под диктовку и начинает говорить самые обыкновенные фразы; так что через полгода, вероятно, будет порядочно знать этот язык.

У нас здесь довольно много знакомых, разумеется, между французскими революционерами и эмигрантами. Некоторые из них очень порядочные и милые люди; один молодой немецкий студент из Тюрингена (Э. Вай-

ян), другой — оратор народных собраний Лефрансэ, которого ты, кажется, слышала раз, и несколько других, с которыми знакомство довольно приятно и даже полезно.

Особенно этот молодой студент очень серьезно занимался и очень хорошо знает все социальное движение Германии. Здесь также один из деятелей Интернационала, Беккер, замечательно преданный делу и симпатичный человек. Он в полном смысле слова посвятил себя народному делу и удивительно как умеет понимать и толковать народу.

Я думаю, ты уже достаточно узнала из газет про дело Villeté, чтобы убедиться, что это деяние рук бланкистов, под предводительством самого [Бланки]. Это безрассудное дело, имеющее самые трагические последствия, и кроме того убивало нравственно все значение самого главы. Ему уже не подняться после этого. Помнишь, наш сосед в улице Vaucin — он также судится теперь, — но что еще гораздо печальнее — с ним вместе судятся люди, действительно замечательные и полезные. Между ними есть один, только-что оправданный в Блуа и взятый опять. Это один из моих любимых революционеров в Париже. Едва ли ему удастся избежать смертной казни; я не могу тебе выразить, как это огорчает меня...! Теперь даже неизвестно еще, когда вы вернетесь в Германию. Много ли прежних студентов найдете вы между вашими товарищами? Сколько из них убито в этой бойне».

Упомянутое здесь дело Villeté — устроенное 14 августа 1870 года группой бланкистов нападение на парижские казармы пожарных на бульваре Ла-Виллет, чтобы добыть оружие для поднятия революционного восстания и захвата власти. Эта непродуманная и неподготовленная попытка установить республиканский строй без содействия народных масс была подавлена полицией и вызвала возмущение социалистических деятелей Интернационала.

В конце августа Жаклары окончательно собрались в Париж. Анна Васильевна писала сестре в начале сентября в Лондон из Женевы: «Дорогая моя Софочка. Пишу тебе только несколько слов, чтобы известить о новой перемене в наших планах. Последние известия о взятии Наполеона опять взбудоражили нас пуще прежнего, и мы решились ехать в Париж. Мы выезжаем завтра, в понедельник. Разумеется, это решение представляет много опасности. Республика так еще далека, что новое правительство, какого бы свойства оно ни было, все же отнесется с одинаковым недоброжелательством к революционерам. К тому же амнистии быть не может так скоро, и Жаклар рискует многим.

Но делать нечего. Когда человек хочет, чтобы его убеждения и поступки были приняты за известное дело, он должен рисковать собою. Если бы я имела влияние удержать Жаклара, то ни за что не решилась бы употребить его. Самое же меня лично страшно как интересует то, что происходит в настоящую минуту, и

не будь этого опасения за свободу Жаклар, я с величайшим бы удовольствием готовилась к отъезду».

Жаклары поехали в Париж через Лион, где при них была провозглашена республика. Виктор Жаклар выступал там на собраниях, был выбран народным комиссаром для сношений с комитетом общественного спасения, наконец в качестве члена делегации от Лиона к правительству национальной обороны он отправился в Париж и остался там.

С развитием событий Жаклар проявлял все большую революционность, вступал в частые конфликты с реакционными генералами, продолжавшими командовать парижскими войсками. По поводу реакционной выходки генерала Тамизье, освободившего арестованных Жакларом двух пьяных офицеров, пытавшихся взбунтовать его батальон, Жаклар напечатал в газете «Отечество в опасности» письмо от 12 октября 1870 года, в котором, обращаясь к своим солдатам, заявлял: «Итак, власть, исходящая не знаю откуда, растоптала ту власть, которую меня облекли вы; призываю объявить себя выше всякого голосования. Такое положение для меня невыносимо, и потому я подаю в отставку не генералу, а батальону, который меня избрал.

Я думал дольше быть во главе всех вас, сражаясь одновременно против пруссаков внешних и внутренних. С грустью оставляю я эту надежду. Посылаю вам мое горькое сожаление и уношу с собой неизгладимое воспоминание о ваших бешеных «браво», которыми

вы неоднократно в моем присутствии прилежно ставили республику, истинную республику, а не только замаскированную, чтобы успешнее помириться с монархией. Реакция подымает голову. Вспомните прошлое. Вспомните, как падают республики, как низвергаются в пропасть самые большие и самые героические нации. Республиканцы, будьте осторожны. Прощайте, дорогие товарищи, всем вам братски жму руку. Ваш экс-командир Виктор Жаклар».

Биограф полагает, что отставка Жаклара не была тогда принята, так как он был отстранен от командования батальоном лишь 4 ноября. Тогда же он был арестован и заключен в тюрьму, отсюда послал 14 ноября прокурору республики жалобу на арест. Указывая, что он после ареста избран помощником мэра 18 парижского округа (где мэром был избран Ж. Клемансо), Жаклар протестует против лишения его возможности исполнять свои обязанности по мэрии.

Никаких обоснованных серьезных обвинений на допросе ему не предъявили. Значит, доказательств его вины не существует. Поэтому во имя права, представителем которого является прокурор, и во имя народного голосования, представителем коего является сам Жаклар, он требует своего освобождения. Подписавшись он так: «оглавленный начальник 158-го батальона, помощник мэра 18-го округа».

Но буржуазная власть выпустила его из тюрьмы только 5 января 1871 года, выпустила лишь для того,

чтобы тут же предать военному суду за участие в blanкистском восстании 31 октября. В начале марта Жаклар был оправдан судом.

Анна Васильевна целиком вошла в политические интересы мужа. Уж не до церковного брака было, не до метрических свидетельств. Но переписывалась с сестрой и сообщила ей о ходе революции. О том же — в письмах Владимира Онуфриевича к брату, которому он сообщал 25 сентября, что собирается с женой переехать из Лондона в Париж, так как Софье Васильевне хочется поработать с французскими математиками: «Мы в большом беспокойстве потому, что нет вестей от Анюты; муж ее — делегат Красной Лионской республики; из Парижа вестей нет, а из прусского лагеря — донесения, что в Париже была сильная перестрелка и канонада неизвестно между кем; мы боимся, не попробовали ли красные стать во главе. Все идет вяло, и, если, действительно, только красная республика может разбудить энтузиазм в народе, то и такая попытка может быть оправдана».

В другом письме Ковалевский сообщает брату о тревоге своей и Софьи Васильевны за судьбу Жакларов: «Анюта в Париже, и мы очень тревожимся за ее целостность и со страхом ждем приезда осадной артиллерии к Парижу; посмотрим, будут ли бомбы хватать до бульваров. — Говорят, пруссаки везут и колоссальную пушку Круппа, которая была на выставке (помнишь, стояла в центре); ее, конечно, трудно перевезти и

установить, но зато она, говорят, может без труда просто расколотить все форты поодиночке. В Италии все надеялись на республику, но теперь, верно, дело отложилось в долгий ящик».

Затем Ковалевские отправились в Берлин, где Софья Васильевна занималась математикой, Владимир Онуфриевич своей палеонтологией. Брату он писал подробно о своих научных планах. В письма все время вклинивается забота об Анне Васильевне. «В моих решениях вопрос о Париже занимает очень важное место, — писал Владимир Онуфриевич, — необходимо дождаться сдачи его, чтобы ехать выручать Анюту; там мы проживем неделю или дней десять, и осмотреть собрание вымерших позвоночных можно и в этот срок».

В другой раз — снова о предстоящем отъезде Анюты из Парижа, именно в связи с избранием правительства Коммуны: «В Париже опять идет свалка, и мы очень сомневаемся, не придется ли нам еще катить туда, хотя я думаю, что нет. Коммуна выбрана, и мы ждем Анюту сюда, чтобы вместе с Софьей ехать весною в Россию».

Вместо того Ковалевские попали в Париж, где Анна Васильевна делила с мужем труды по устройству Коммуны и обороне ее. Как писал Владимир Онуфриевич позднее брату, они с 5 апреля до 12 мая 1871 года «жили очень хорошо под Коммуной, а затем, по настоянию Софьи, думая, что Париж продержится еще два месяца, уехали в Берлин». Оттуда Ковалевские с

тревогою следили за парижскими событиями. Владимир Онуфриевич писал брату 28 мая. «Подожли раздражительные вести из Парижа. Что там делается — просто страсть, июньские дни 1818 года — игрушка в сравнении с нынешними гуртовыми убийствами и расстреливаниями; очень многие из наших хороших знакомых убиты и расстреляны; об Аюге и муже 'ее мы не имеем никакой вести и очень боимся за него, хоть он и вышел за две недели до конца из службы но все-таки, если его поймут, то могут приговорить к смерти или ссылке. Возможно, что мы бы опять послали, но вход в Париж закрыт положительно для всех. Мы уехали 12 числа, а 22 Париж был взят.. Лучшие и энергичные люди расстреливались на всех углах.

По-моему, инсургентов нельзя винить в том, что они жгли общие здания. Я бы сделал то же ввиду смерти или ссылки; конечно, лучше взорвать дом, в котором меня режут, чем отдать его на спокойное пользование моим палачам. У них было до 200 заточников, и так как версальцы расстреливали всех, то и инсургенты, не добившись обмена или амнистии, расстреляли 63 человека, в том числе архиепископов, много важных попов, бывшего президента сената Бонжана и множество других. Версальцам, конечно, ничего не стоит выручить их, но они нар что не сделали этого, чтобы весь одним [наказан за] убийства заложников пал на инсургентов.

Читая ужасные описания того, что делается в Париже, получаешь ужасную ненависть к политике и вообще человечеству. А вся Франция, смотревшая, не говоря ни слова, два месяца пока резали Париж! Мне в самом деле кажется, что французы — нация, клонящаяся к падению — иначе нельзя объяснить себе ни этой камеры, [реакционной палаты депутатов], ни этих выборов [8 февраля — в Национальное собрание, оказавшееся в большинстве монархическим], ни всего, что там происходит.

Анна Васильевна делила с героическим парижским пролетариатом все его страдания, неустанно работала по устройству Коммуны, помогала мужу. Биограф Жаклара И. С. Книжнич Ветров, пытавшийся также собрать документы о работе Анны Васильевны в Коммуне, говорит, что сведения об этом чрезвычайно скудны. «Приходится судить о ней лишь на основании одного документа из секретного архива III отделения, но ее подписям на том или ином воззвании выпущенном во время Коммуны, по упоминанию о ней в материалах палатенской следственной комиссии по поводу революции 18 марта и по одному касающемуся ее декрету последних дней».

Анна Васильевна вместе с писательницей Андрэ Лео, по словам биографа Жаклара, основала газету «La Sociale» которая выходила по вечерам ежедневно с 31 марта до 17 мая. В этой газете, бывшей наиболее выдержанным в социалистическом духе органом Ком-

муны, писались самые серьезные статьи по социальным вопросам. Но статьи в газете подписывались редко, а подписи Анны Васильевны там совсем нет.

В материалах по истории Коммуны есть известие, что комитет бдительности 18-го округа принял 6 мая постановление о немедленном устранении из госпиталей и тюрем сестер-монахинь по инициативе граждан: председательницы Пуарье, секретарши Жаклар и членов президиума Баруа и Тессон. В тот же день было вынесено решение об устранении уличной проституции.

Документ из секретного архива III отделения — письмо секретаря русского посольства в Париже Обрезкова к управляющему III отделением графу П. А. Шувалову от 24 июня — 6 июля 1871 года. Здесь Анна Васильевна именуется «мегерой», «достойной супругой некоего Жаклара, отмеченного среди начальников-коммунаров своей кровавой натурой»; о ней говорится, что она была замешана в насилиях Коммуны, в арестах и последних «неистовствах» сопротивления.

Обрезков злорадствует по поводу слуха об аресте Анны Васильевны и сообщает, что она «несколько дней спустя после ареста ее мужа перевезена в Версаль, где эта вполне подходящая друг другу пара ждет своей участи; она, вероятно, найдет утешение в своем близком вдовстве в Новой Каледонии, пенитенциарную колонию которой предназначено заселить летрольщиками, то-есть поджигательницами, как буржуазное

республиканское правительство называло коммунаров. Коммуна была задушена потому, как писал В. И. Ленин в статье «Памяти Коммуны», что «для победоносной социальной революции нужна наличность по крайней мере двух условий: высокого развития производительных сил и подготовленности пролетариата. Но в 1871 году оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как заседавшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезном подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существо-

вания, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели... В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немного все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства» (Сочинения, том XV, стр. 158—159).

Маркс в работе о «Гражданской войне во Франции», напечатанной немедленно после разгрома Коммуны, указывает, что самое важное значение Коммуны в том, что «она была по сути дела правительством рабочего класса, результатом борьбы производящего класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда».

Именно за это отмеченное Марксом стремление Коммуны добиться освобождения труда, за подчеркнутый Лениным характер Коммуны, как народного, рабочего правительства, — буржуазно республиканские контрреволюционные версальцы мстили парижскому пролетариату. После того, как Париж был, по выражению Ковалевского в его письме к брату, предан версальцами пруссакам, Владимир Онуфриевич с женой снова поспешил в столицу Франции. Пришлось выручать не только Анну Васильевну, но и Жаклара. Версальцы — представители французской буржуазии — праздновали победу «законности и порядка». Кровь коммунаров заливала улицы Парижа и его предместья.

Буржуазная французская республика укреплялась при содействии Бисмарка и Мольтке. Контрреволюционный республиканец Тьер и свирепый убийца генерал Галифе устроили парижскую «кровавую неделю» (около 30 тыс. казненных). Несколько лиц, которых принимали за Жаклара, были расстреляны версальцами. Но Жаклар был арестован спустя две недели после окончательного усмирения восстания, когда первая горячка убийств уже прошла. Поэтому его не расстреляли на месте, а оставили для публичной казни. Сидел он в тюрьме в самых ужасных условиях.

Прибыв с Софьей Васильевной в Париж, Владимир Онуфриевич энергично вел там свою научную работу, упорно шел к своей конечной цели. Но страшная трагедия коммунаров занимала его помыслы, мешала работать, меняла планы. В письме из Парижа от 11 июня Ковалевский сообщает брату о положении Жаклара и Анны Васильевны и о своем решении сопровождать мужа Анюты в ссылку. Готов для этого отказаться даже от палеонтологии. «Пишу тебе, как видишь, опять из подлого Парижа, из которого нам и выезжать-то никогда не надо было. Жили мы в Берлине смирно, вдруг пришло известие о взятии Парижа; стали беспокоиться, затем письмо от Анюты, что все благополучно и что они оба, т. е. она с мужем, успели скрыться; вдруг через день новое письмо, что он взят и что ему предстоит, если не расстреляние, то ссылка; конечно, в тот же день мы поехали в Париж».

и приехали очень кстати, так как уже на дороге прочитали в газетах, что и Анята тоже арестована; последнее, к счастью, оказалось пока несправедливым, хотя полиция охотилась за нею и взяла Андреа Лео; в этом положении Анята, конечно, не могла быть полезной, и потому мы ее как можно скорее выпроводили вон из Парижа, а сами остались здесь хлопотать об нем.

Я вчера был в Версали, где он содержится; не мог получить свидания, но сегодня получил; сомнения нет ни малейшего, что он будет сослан; куда неизвестно, вероятно, в Новую Каледонию. Положение теперь вот каково: Анята, конечно, следует за ним, но так как его повезут вместе с другими ссыльными на транспортных судах вокруг мыса Доброй Надежды, то Аняте надо будет ехать одной, что, я думаю, невозможно.

Софа рвется ехать с нею, что, я думаю, чепуха, потому что это помешает ей кончить свои математические занятия и выдержать экзамен, а это, вероятно, может случиться через шесть или восемь месяцев; очевидно сама сила обстоятельств говорит, что сопровождать Аняту через Суэц, Цейлон и Мельбурн придется мне; кроме того, так как я человек свободный, то мне и придется поселиться с ними в Новой Каледонии, а Софа, выдержавши экзамен в Берлине, придет к нам туда.

Царское правительство не только сочувствовало разгрому Коммуны, но приняло также меры, чтобы участники ее не могли как-нибудь проникнуть в Россию.

Немедленно после кровавой победы Тьера и Галифе, 6 июня 1871 года, правительство императора Александра II разослало всем пограничным русским жандармским управлениям соответственный циркуляр. «Имея в виду, — сообщалось здесь. — что с подавлением восстания в Париже многие из зачинщиков и участников совершенных там преступлений будут стараться спастись бегством от заслуженного наказания... государю императору благоугодно было повелеть... принять самые действительные меры к непуску в наши пределы подобных личностей, какой бы национальности они ни принадлежали, и к задержанию тех из них, которые пытались бы тайно проникнуть на территорию империи». Пограничным жандармам «предписывается о всех лицах, которые ими задержаны будут, не передавая этих лиц в ведение местной полиции, тотчас уведомлять по телеграфу III отделение», для дальнейшей расправы.

Но, повидимому, царские сыщики не знали, что жена Жаклара является дочерью генерала В. В. Корвин-Круковского. В поисках путей для спасения анятинного мужа Ковалевские решили вызвать Василия Васильевича в Париж. У буржуазного республиканского французского правительства, конечно, можно при содействии царского генерала кое-что добиться. «К 1 июля приехали с той же целью родные из Питера. — писал Владимир Онуфриевич брагу, — и мы живем теперь здесь вчетвером и кое-что успели сделать для

облегчения его [Жаклара] участи. Рассказов у меня есть для тебя десять томов».

Есть несколько различных версий о том, как удалось Жаклару спастись от мести версальцев. Шведская писательница А. К. Леффлер сообщает со слов Софьи Васильевны, что В. В. Корвин-Круковский использовал для этого свое давнишнее знакомство с Тьером, который будто бы дал генералу понять, что бегство его зятя можно устроить при переводе из одной тюрьмы в другую. Польская революционерка М. В. Залесская-Мендельсон, так же на основании рассказов Софьи Васильевны, пишет, что «отец Анюты, любезно принятый Тьером, устроил Жаклару побег с согласия властей». Француз Оливье Пэн в статье «Бегство коммунаров из Парижа», напечатанной в русском журнале «Слово» за 1880 год, когда там сотрудничал и Жаклар, сообщает, что побег последнего устроила его сестра вместе с одним приятелем ее мужа.

Так или иначе, приезд генерала облегчит это дело. В обширном письме к Александру Онуфриевичу от 9 октября 1871 года из Франкфурта Ковалевский сообщает об удавшемся бегстве Жаклара, говорит о своих денежных делах, подробно развешивает свои научные планы. — «В прошлое воскресенье мужу Анюты удалось бежать из тюрьмы из Версаля; мы его быстро снарядили и выпроводили вон, а затем и сами уехали; они [Корвин-Круковские] просили меня про-

водить их до границы и до Франкфурта... Софа с родными поехала в Берлин, а я должен вернуться доканчивать работу в Париж».

Анна Васильевна выжидала в Гейдельберге результатов соединенных усилий всей семьи. Кузина Корвин-Круковских Софья Аделунг рассказывает, что мать ее в это время видала Анюту «в Гейдельберге, где она жила со своей матерью после своей роковой поездки в Париж. Анюта была так измучена физически и морально, что целых восемь суток находилась в тяжелом сне. Пробуждалась она только для принятия пищи и тотчас снова засыпала. Легко себе представить, что переживали в это время ее родители. Здесь обнаружилась вся их доброта и самоотверженность». Генерал с женой повидали обеих дочерей, познакомились с мужем Анюты, переправили ее с Жакларом в Швейцарию, отвезли Софу в Берлин, сами поплыли в Россию. Василий Васильевич признал фактический брак своей старшей дочери с французским революционером.

Спустя несколько лет Анна Васильевна с мужем и сыном переехали в Россию; пожили лето в деревне, затем поселились в Петербурге. Здесь Жаклар был преподавателем французского языка в женских учебных заведениях. В начале 80-х годов он печатал политические статьи в русских радикальных журналах «Дело» и «Слово», которые были закрыты царским правительством за «вредное направление». Анна Ва-

сильевна, помогала мужу в его литературной деятельности, подвергая его статьи стилистической обработке. Сама она напечатала в журнале своей приятельницы А. М. Евреиновой «Северный вестник» (1886 и 1887 годы) две повести.

Жаклары часто устраивали у себя вечера. Студенческая молодежь охотно посещала эти вечера, с любопытством слушала воспоминания интересного хозяина о встречах его с выдающимися революционерами, но тщетно ждала от него рассказов о героических днях Коммуны. Жаклар должен был соблюдать осторожность, так как III отделение было осведомлено об его прошлом и за ним велось систематическое наблюдение.

Академик С. Ф. Ольденбург и профессор И. М. Гревс, встречавшиеся в студенческие годы с Жакларом и его женой, сообщили мне свои воспоминания о них. С. Ф. Ольденбург в письме от 24 декабря 1930 года заявлял: «С Жакларом встречался немного и то слишком сорок лет тому назад. Он не любил тогда говорить о Коммуне. Жена его Анна Васильевна (сестра С. В. Ковалевской), хотя вообще была разговорчива, но о Коммуне, насколько помню, не говорила. Он давал, если не ошибаюсь, уроки».

Профессор И. М. Гревс пишет (17 декабря 1930 года): «Мое очень мимолетное знакомство с Жакларом и Анною Васильевной относится к годам 1884—1886; встречался я с первым сначала в небольшом кружке,

составленном тогда несколькими литераторами и учеными с целью возобновить нечто подобное существовавшему в семидесятых годах так называемому «Обществу трезвых философов»; но из этой затеи ничего не вышло; дело ограничилось несколькими собраниями, на которых литераторы сообщали нам, тогда молодым, свои политические и общественные воспоминания.

Там бывал и Жаклар. Нас, молодых, он интересовал именно как бывший член Коммуны, о которой он и рассказывал. Потом я встречал его у Е. Г. Бартеновой (участница Коммуны), с которой он был близко знаком (нужно впрочем сказать, что он рассказчик был не очень интересный, и мы больше пользовались его статьями-фельетонами, из парижской жизни в «Деле» и «Слове», расспрашивая только о подробностях).

Затем я бывал у Жакларов несколько раз, когда я жил в 1885—1886 году в доме Анны Васильевны на Васильевском острове, по 6-й линии, рядом с Ларинской гимназией. Интересных разговоров у них, впрочем, не велось: Анна Васильевна уже хворала... Она производила очень симпатичное впечатление, он — гораздо меньше; в семейной обстановке он бывал раздражителен и даже грубоват с женою и сыном (тогда подростком). Потом он скоро уехал в Париж; я там мельком видел Жаклара в год выставки 1889 года».

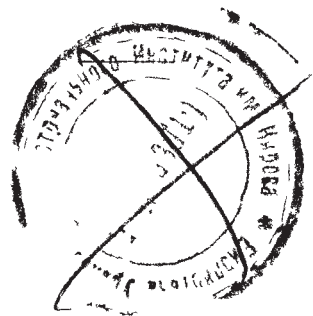
По объявлении амнистии бывшим коммунарам Жаклар переехал в Париж, но в материальном отноше-

нин не сумел там устроиться и вынужден был искать службы в России. Так и проводил он время между Францией и Россией, куда приезжал между прочим ввиду болезни Анны Васильевны.

Поездками этими Жаклар пользовался для установления связи между русскими и международными революционерами. Это стало известно жандармам, которые выслали бывшего коммунара из России с воспрещением дальнейших приездов в нее.

Анну Васильевну пришлось ввиду ее тяжелой болезни перевезти в Париж, где она скончалась в октябре 1887 года после неудачной операции. Жаклар после того поддерживал связи с Россией, печатал в петербургской либеральной газете «Новости» статьи о французской политической жизни. Известно, что он жив был еще в 1906 году.

все материалы о
Парижской коммуне 1871 года
<http://istmat.info/node/28030>